

Фотокарточка

рассказ

Земляную плешину по берегам покрыла уже кое-где трава, Урал дурел от солнца, вспененный, мутный, уже целый месяц как безо льда. Над деревней висел сладкий запах угара – сжигали прошлогоднюю листву и как никогда вволю топили бани. За заборами раздавался протяжный, с зимы забытый, коровий мык, и петухи, почуяв весну, горланили по росяному утру во всю силу.

Одна Наташка сегодня этого не замечала. Вчера ещё вечером сидела на лавочке и трещала с подружками, а сегодня сделала строгую прическу, надела старое джинсовое платье и долго не выходила из своей комнаты, оглядывая себя в зеркале и поднимая, словно бы от удивления, то одну бровь, то другую. И чего в ней не так, кто скажет? Глаза зелёные, как трава-первуха, улыбка какая-то другая теперь рисуется, новая, и не выдумывала её Наташка, не старалась, сама по себе она в этом году такая получается. Взрослые говорят: «невеста», мальчишки в школе как-то по-другому на неё смотреть стали, а он...

Наташка передернула плечиками, отошла от зеркала и вышла на улицу, за калитку, прошла мимо ярких флагов, что украшали деревню ко дню Победы, а оттуда – быстрым шагом к речке. Огляделась. Так и есть, как и вчера, на яре – снова они, двое. Даже лица у Олега не узнать, смотрит на эту чернявую, и ничего больше не видит. Наверно, скажет ему чернявая цаца: «Прыгай с обрыва, если нравлюсь», и он прыгнет, не подумает. Наташка, скорее, не увидела, а представила его глаза стального цвета, а в них, наверное – нежность. Точно: Олег улыбался и говорил ей что-то, и белое её платье в синий горох развивалось от легкого ветра, она слушала, а потом пошла поближе к крутой стороне яра. Олег притянул её к себе, в лице – испуг и забота: куда? И она поддалась, вернулась.

Наташка сжала руки в кулачки, стиснула зубы от обиды и снова убежала домой, в своё укрытие – комнату, чтобы никого не знать больше: ни Олега, ни этой чернявой дурочки. Наташка уткнулась лицом в подушку и горько заплакала. Только поздно вечером, когда в окно уже опрокинулась сырая темень, она спохватилась и взялась за уроки.

Мама зашла, внимательно и строго посмотрела на Наташку, на тетрадки под желтым светом лампы, но смолчала, когда Наташка подняла заплаканное сердитое личико, показала глаза в красных воспаленных ободках. Мама положила перед ней маленький отрезок георгиевской ленты, брошку и вышла. «Добыла всё-таки ленточку, – с нежностью отозвалось в Наташке. – Ах, мама, мама, если бы ты знала, если бы!»

* * *

На следующий день в школе к ним ворвалась заместитель директора Тарасова.

– Десятый класс! – прогремела она, вертя красноватым носом и впиваясь маленькими глазами в каждого. – Времени у нас в обрез. Вы должны принести портреты Ваших родственников-ветеранов сегодня, крайний срок - завтра. Мы их распечатаем и поместим под рамку. В день Победы вы должны будете нести их портреты на праздничном шествии. Всем понятно?

Наташка после уроков побежала в Черёмушки, на её белой блузке огнём горела георгиевская ленточка. Была ли у прабабки Маруси фотография прадеда, Наташка не знала. Ей казалось, она никогда её не видела, «Просто не интересовалась», – кольнуло у Наташки где-то под лопатками. Она только знала, что у прадеда Андрея были какие-то медали, которые баба Маруся заворачивала в несколько салфеток и хранила в шкатулке в комод, как-то раз показывала правнучке непонятные для неё тогда документы с фронта, а вот фотографий Наташка не помнила.

Подбежав к деревянной калитке, она на мгновение остановилась. Горячей волной обдало её, испарина на лбу выступила: из соседнего двора на Наташку глядел здоровенными окнами дом, в котором жил Олег. «Ну и что?» – тут же ответила себе она. – «Он сейчас в городе, в своем институте. Чего ещё придумала, великое дело: следить за тобой из окон. И вообще, ты – не его полета птица». И Наташка, расстроившись ещё больше от своих мыслей, вошла в узкий двор прабабушки.

Баба Маруся лежала на высоко поднятой подушке и дремала, поджав губы и смиренно сложив руки на груди. Наташка, поправив черную юбку, тихо села рядом. В лице бабы Маруси было что-то детское: маленькие губки, белое личико с удивительно гладким, без единой морщины, лбом. Только на подбородке и под глазами лежали у неё тяжелые складки. Почувствовав словно Наташку, она открыла глаза: сразу и широко, будто и не спала.

– А, здравствуй, Наташенька, – баба Маруся, опираясь на сухонькую руку, вздыхая и кряхтя, села. – Вот и пришла, моя золотая, вот и пришла... Спасибо тебе. А я нынче проснулась, прохладно было с утра. Вышла за двор, посидела на лавочке, на людей поглядела, думаю: придут, наверно, мои дорогие, ныне навестят меня, старую. А тут Олег Сафронов на учебу собрался. Статный такой, широченный – красивый парень. Поздоровался он со мной, спрашивает: «Скучаете, баб Марусь?». «Скучаю, а как же». «Что-то внучка ваша, Наташа давно не приходит», – и улыбнулся. «Да, говорю, не была, в школе, наверно, много дел». А он головой качнул и пошел.

– Ты шутишь, бабушка, – Наташка подозрительно посмотрела в лукавые бабушкины глаза.

– А чего ж мне шутить. Спрашивал Олег, спра-ши-вал, – протянула баба Маруся последнее слово, а потом – отвлечённо, словно забывшись: – Ой, как вставать – все косточки мои ноют, ноют. Как сижу – ничего.

Наташка соскочила, не услышав последних бабушкиных слов, и – так легко ей стало, так весело, поцеловала бабу Марусю в шершавую щеку. В окно скреблась широкими листьями сиреневая ветка. Наташка отсюда

разглядела на ней разбухшие, светлые почки. Вспомнив, зачем пришла, стараясь заглушить в себе сладкую какую-то истому, Наташка обняла бабу Марусю и спросила, есть ли у неё документы и фотография прадеда.

Баба Маруся встала и, опираясь на бадик, согнувшись, маленькими шажками пошла к комоду. Кашляя сердечным кашлем, она подала Наташке шкатулку с документами. Наташка взяла в руки желтый наградной лист с разводами от старости, весь тоненький, во вмятинах от ногтей. Деда Андрея награждали медалью «За отвагу». Шепотом Наташка прочитала:

«В период боев с немецко-фашистскими войсками ефрейтор Никляев Андрей Романович не раз проявлял образцы мужества и отваги. 14 сентября 1943 года он вновь показал любовь и преданность к своему народу, Социалистической Родине. Противник показал сильную арт. подготовку и пошел в контратаку.

От артиллерийского обстрела телефонная связь командующего артиллерией с артчастями прекратилась, на восстановление её вышел ефрейтор Никляев А.Р. Он быстро восстановил связь, тем самым дал возможность управлять командующему огнем артиллерии.

В борьбе с немецкими оккупантами ефрейтор Никляев отдает все силы для быстрейшего разгрома врага».

Баба Маруся перестала шуршать вещами в комоду, обернулась:

– Все силушки свои и отдал мой Андрей. Вот тебе похоронка, держи. Похоронен он под Ленинградом, в Рабочем поселке. А я, старая, и ни разу на могилке не была. Я всягда так думала: чего от неё, от могилы-то? Это же место всего лишь. Я своего Андрюшу всегда рядом чуяла, даже мёртвого. И во снах вижу яво крепкого, молодого. Тут он, рядом, а могила – так это, страх один.

Наташка перестала дышать, вертя в руках листочек, сложенный квадратом:

– Бабуль, дед был телефонистом?

– Да, старшим телефонистом. Он же был грамотным, закончил десять классов, был даже председателем колхоза сразу после школы, – баба Маруся пустыми глазами посмотрела в окно, сквозь ветки сирени, сквозь облупленные стены сарая. – Мы тогда только поженились, жили в комнатухе втроем: он, его бабушка и я. А в скорости его и призвали.

– Ну а фотография есть, бабуль?

– Была одна фотокарточка, сейчас я её поищу... Да где ж она? Была, была, сейчас найду, – баба Маруся снова зашуршала чем-то, вытащила серый, с оторванными страницами, фотоальбом. Морщинистые её пальцы начали удивительно быстро листать альбом. Маленькая пожелтевшая фотография была не приклеена и поползла с альбома вниз. Бабушка её подхватила, перевернула другой стороной:

– Вот, одна только и есть фотокарточка. Плохенькая она, конечно.

Наташка бережно взяла фотографию из рук бабы Маруси. На ней – четверо молодых людей: парней и девушек. Бабушка показала на двух с левой стороны: рядом друг с дружкой стояли светленькая девушка в белом ситцевом платье в цветок и парень с широкими скулами – темноволосый, с зачесанным чубом, в рубашке с засученными рукавами. Наташка рассеянно посмотрела на бабушку: эти двое – она, баба Маруся, и дед Андрей?

– Ну да, мы это, мы, – бабушкины губы растянулись в улыбке, светло-голубые, выжженные глаза её заблестели. – После вечёрок мы это на сельской площадке. Это, наверное, 1940 год. Точно. Больше мы и не фотографировались. Время такое было, Наташа, жили-то как.

Наташа ойкнула, присела на кресло:

– Бабуль, а какие мелкие у вас здесь лица! Как я сделаю портрет деда?

Баба Маруся погладила Наташку по голове:

– Ну, а ты не делай ничего. Просто в рамку её и неси так, чаво там. Чаво им подеется-то? И так поглядят.

Наташка почти к самым глазам поднесла фотографию. Прадед казался таким красивым, родным ей, что у Наташки заблестели глаза:

– Нет, бабуль, надо бы портрет сделать. Другие же с портретами пойдут, а наш дед Андрей что – хуже, что ли?

Наташкины глаза забеспокоились, словно ища выход. Аккуратно положив фотографию в сумку, взяв похоронку и наградной лист, Наташка, наспех поцеловав бабу Марусю, вышла из дома.

– Вот атаманша-то, – в сердцах буркнула баба Маруся, а вслед крикнула: – Фотокарточку не потеряй, мне за неё вскорости ответ нести перед Андреем-то.

Наташка выбежала за калитку, даже не поглядев на дом Олега, она забыла про него. Ей хотелось поскорее сделать портрет, для этого Наташка побежала снова в школу. Отсканировать фотографию получилось, но, когда Наташка на компьютере вырезала изображение деда и увеличила его в несколько раз, оно сильно исказилось. Лицо деда стало неровным и перекошенным. Теперь хоть плачь: везти сегодня в город фотографию было уже поздно, а завтра уже не повезёшь, сделать её в салоне бы не успели. Наташка снова расстроилась.

Пришла домой, села перед фотографией, сказала шёпотом, обращаясь к деду Андрею, молодому этому парню, весело и открыто смотрящему на неё:

– И техника теперь хорошая, а сделать ничего не могу. Прости, деда.

Представила Наташка митинг 9 Мая, разноцвет портретов, лица бессмертного полка, и сердце сжалось у неё от боли: неужели её прадеда там не будет?

Сидя за столом, забывшись, Наташка гладила шершавую фотографию, и вдруг четко представила себе сероватые руки солдата Андрея Никляева, скручивающего телефонный провод под обстрелами немцев. И увидела Наташка тёмное пасмурное небо, тугие, стянутые тучи и снова – руки прадеда. Так ясно она себе это представила, что сама испугалась: откуда ей знать? Села за ноутбук, начала искать в сети. Бои под Ленинградом в сентябре 1943 года, как указано в наградном листе. 11 стрелковая дивизия... Дрожащими пальцами Наташка нажимала на податливые кнопки

клавиатуры. Нашла. В это время, действительно, под Ленинградом стояли пасмурные дни...

...Тёмное небо было до того низко, казалось, можно задеть его головой, и тучи висели зернистые, склизкие на вид. Еще поутру Андрей видел, как вдали сверкнуло, но грома так никто и не услышал. К взрывающимся бомбам и к хлопкам обстрелов он, Андрей Никляев, давно уже привык, а вот гром ворчал бы для него по-домашнему, по родному, да не до него было.

Теперь он, лежа на животе, соединял телефонный провод. В этот день руки его были совсем неподатливы, пальцы с вьёвшейся под ногтями грязью двигались, как в полусне, или ему лишь так думалось. Минуту назад он ещё карабкался с мотком провода, ища, где провод оборвало снарядом.

– Давай, Никляев, не подведи. Дело наше гиблое, – тяжело хрипя, молил его комбат Лобков, глаза его чуть не вылезали из глазниц, красные, нездорово глядели они на Андрея. И Андрей полз, загребая подбородком грязь, всем телом ощущая невероятную усталость. Неделю назад, вот также ища провод, погиб связист, друг Андрея, Иван. Его раскидало по кускам, Андрей с ребятами потом схоронили его останки.

Но Андрей дополз. Он нашёл повреждённый провод, вытащил линейный нож. Вот только руки отказывали служить, шершавые, как дерюга. Над головой свистело, Андрей вгляделся в небо: под брюхами низких туч кишели немецкие «мессершмидты», он различал их по однотонному гулу мотора. У «юнкерсов» была своя примета: при полёте они издавали прерывающийся свист. Нужно было лечь ничком, иные старались залечь головой против полёта: говорили, тогда можно избежать верной смерти. Но у Андрея не было времени, ему нужно было восстановить связь. Только связав провода, Андрей отполз в небольшой овражек и там переждал, пока не скроются фашистские самолеты.

Андрей снял со спины телефонный аппарат, приложил холодную трубку к уху. «Кажется пошло. Кажется... наладил...» Чуть прикопав провод, Андрей отполз, а потом побежал к своим, к пункту наблюдения.

На полпути Андрея накрыло горячей волной, метрах в пятнадцати вспыхнуло красным, а потом закишел, как живой, черный дым. Андрей слез в окоп.

Достал самокрутку, но зажечь сигару удалось не сразу: так дрожали от усталости руки. Андрей вскинул свой карабин и начал тоже отстреливаться, крикнув Володе Микулину, который, не заметив его, непрерывно палил из ППШ:

– Володька, пусть знают наших!

Микулин хмыкнул в ответ, синюшное его лицо, казалось, закаменело: так была напряжена каждая мускула.

Фашистский снаряд снова разорвал кабель. Надсмотрщик-связист Павел Сапрыкин, кляня немцев, кинулся к Андрею:

– Разрыв в радиусе 500 метров.

– Целятся, сволочи! Знают, заразы, по чему бить! – ругнулся Андрей.

Он теперь уже бежал, иногда пригибаясь, лишь изредка начинал ползти и снова – вставал и бежал.

За день он восстановил кабель в двадцати местах. Провода уже не осталось, а последний разрыв совсем подвёл: Андрея ранило в ногу, пуля вошла чуть выше щиколотки. Да ещё ко всему, он не мог стянуть концы провода, между ними оставалось сантиметров тридцать прогала. Андрей покрутил в руках карабин: не хотелось расставаться с ним, но как по-другому? Андрею пришлось намотать на него концы провода, затем он снова приложил трубку телефона к уху, облегчённо вздохнул.

После боя у штаба командир Лобков, показывая свои редкие жёлтые зубы, сказал:

– Товарищи бойцы! Сегодня мы ещё на одну ступень поднялись на Синявинские высоты. Скоро, скоро будет эта высота нашей, и враг будет у нас в руках! Но враг хитёр: сегодня в тридцати местах он разрывал телефонный кабель, хотел срезать нас на корню. Поэтому благодарность я выражаю нашим связистам: Андрею Никляеву и Павлу Сапрыкину, которые

под артиллерийским огнём, даже при нехватке провода, не жалея себя, восстанавливали связь.

Своё ранение Андрей считал за царапину, в госпитале пролежал неделю и сбежал, вскорости вернулся в свою часть. Там, впопыхах, прямо во время боя, командир вручил Андрею медаль «За отвагу». Виновато улыбаясь, Лобков сказал: «Извини, Андрюха, что всё так, понимаешь, не по-людски. Будет потом время – сочтёмся».

Ночью, после боя, Андрею не спалось. Рядом на полу в землянке, подстелив под себя ворох соломы, с открытыми глазами лежал Павел.

– Не спишь? – Павел повернулся к Андрею лицом. – И я. Всё про жену думаю, детишек вспоминаю. Приду если с войны – не узнают папку.

– А я своего сына и не видел ни разу, – впервые открылся Андрей и отвернулся, почувствовав, как горечью стянуло горло.

И вспомнилась Маруся – тоненькая, светловолосая его Маруся. Когда Андрея увозил поезд, Маруся была на седьмом месяце. «Не увижу сына, но знаю ведь, что есть он, что останется после меня. Значит, будет потом кому сказать: отец мой сражался за Родину»...

...Наташка враз представила себе это, а потом только поглаживала, поглаживала фотографию, и горячие слёзы жгли её щёки.

Утром Наташка шла в школу без охоты, портрета у неё не было, но фотографию она положила в сумку, надеясь ещё на чудо. На уроках не хотелось отвечать, перед глазами вместо доски всё плыло и плыло улыбающееся, задорное лицо прадеда Андрея. Наташка выводила цифры по алгебре, а на полях написала: 25. Столько было бойцу Андрею Никляеву, когда он погиб.

На уроке литературы учитель попросила их, десятиклассников, написать очерк о войне. Наташка живо взялась строчить: она писала очерк о своём прадедушке.

Вышла Наташка из школы рассеянная, опустив голову, глядя под ноги, на густо-чёрную землю. И кто-то легонько взял её под локоть, а знакомый тихий голос позвал:

– Наташа.

Наташка подняла глаза: перед ней стоял Олег. Чуть наклонившись к ней, он щурился от солнца и улыбался.

– Это ты? – Наташка готова была ущипнуть себя, но перед ней действительно стоял Олег. Не подав вида, что удивлена, Наташка отдернула руку и выпрямилась. Вспомнилась ей вдруг прошлая весна и он, Олег, рядом с ней, держащий её за руку. Но это было тогда, а теперь... Теперь они совсем другие.

– Наташ, я здесь... В общем, помочь тебе пришёл. Баб Маруся мне всё рассказала про фотографию. Ещё все исправить можно. У тебя фотография с собой?

– С собой, – Наташка почувствовала, как у неё горит всё лицо, вспомнилась чернявая рядом с ним. Но сейчас другое было важнее, надо было сделать портрет. И Наташка протянула Олегу фотографию. – Как ты собираешься сделать это?

– Да есть одно место, сделаю я до завтра.

Наташка не знала, верить или нет. Казалось, не было другого способа, она же пробовала на компьютере!

– Ладно. Тогда спасибо заранее, – улыбнулась Наташка и пошла без оглядки, а Олег всё смотрел ей вслед, как танцуют воланы на её чёрной юбке, вскидывается золотистая, туго заплетённая коса.

Весь день Наташка сомневалась: неужели будет у неё, как и у других, дедов портрет? Неужели и она будет нести его по улицам села, а потом на митинге будет чувствовать, как и баба Маруся, его там присутствие?

Но в этот день Олег так и не пришёл. И ночью Наташке не спалось, она долго ворочалась на кровати, потом встала и села за ноутбук. Наташка взяла

в руки похоронку, на ней стояла дата: 24 сентября 1943 года. Это был последний день жизни её деда.

...Четыре часа утра. Андрей и Павел работали в поле, в километре от фронта. Обрывы проводов были в нескольких местах.

– Умно делают эти твари, – Андрей пригнулся над проводом. – Засылают к нам шпионов и в первую очередь режут связь.

Сапрыкин говорил сквозь зубы:

– Нас тоже не проведёшь. Ты возьми хотя бы случай с радиостанциями: как они не хороши, а только на войне самая лучшая связь – проводная. Слишком ловко умеют фрицы засорять наши рации, специально связь глушат. А нам с телефоном всё нипочем: срастил провода и вперёд.

Заря только занималось за холмом, она едва виднелась за густотой дыма и огня. Андрей сердцем чувствовал: скоро, скоро возьмут высоту, а, значит, и освободят Ленинград. «Значит, скоро и войне конец, – подумалось Андрею. – Скоро я вернусь, Маруся, жди». И в памяти встал снова Марусин образ, но лицо Андрей увидел размытое, почему-то без глаз. Знает же, что голубые глаза у жены, а почему не вяжется образ?

Об этом он думал, пока перебежал на следующий обрыв кабеля. Он – в одну сторону, Павел – в другую. Так и не пришлось больше с другом свидеться.

Вечером выяснилось, что погиб Павел Сапрыкин. Он нарвался на мину, добираясь до очередного разрыва. На это же место сразу выслали другого связиста Рогова, пока Андрей возился в пяти километрах от фронта. Рогов тоже пропал. Тогда отправился Андрей. Пока полз, предстало вдруг всё иначе, нехорошее предчувствие скребло где-то под сердцем. Все его конечности, казалось, налились железом, в голове стоял гул. Он сглотнул и судорожно сжал руки, увидев тела двоих своих товарищей. Павел лежал, уткнувшись лицом в землю, держа в ладони провод, словно желая и сейчас защитить его. Каска Павла была пробита пулей. «Снайпер», – подумалось Андрею. «А думали, что на mine подорвался».

Андрей быстро начал скручивать провод. Поле раскинулось без единого деревца. Вдали Андрею показалось, как что-то микроскопическое, едва уловимое чуть шевельнулось, вдруг к глазам кинуло красным, всё поплыло. Последним, что увидел Андрей, был коршун с широко расставленными крыльями и тёмное падающее на него небо...

Наташка шла на митинг. У школы уже строились ученики, над ними полосами колыхались шары – в цвет флага. Впереди стояли ребята с портретами солдат. Наташка подалась в конец колонны, портрета у неё не было.

Колонна пошла, растягиваясь, по дороге. Запели песню. Наташка тоже тихо подхватила «Катюшу».

От перекрёстка к ним кто-то бежал. Наташка обернулась. К ней, задыхаясь, бежал Олег. На колышке он нёс портрет Наташкиного прадеда. Приглядевшись, Наташка поняла, что это был настоящий портрет, написанный художником. Он был точь-в-точь, как на фотографии.

– Олег! Спасибо тебе огромное! Это... ты нарисовал? – Наташка вспомнила, Олег в прошлом году показывал маленькие карандашные зарисовки, тогда он только начинал учиться рисовать. – Как здорово, Олег! Ты теперь – настоящий художник!

– Художник-самоучка, – Олег передал Наташке портрет, чуть коснувшись её руки. – Ни за что, не благодари. Очень хотел тебя порадовать и сделать хоть что-то к празднику. Я, как видишь, пришёл без своего портрета, мой прадед пропал без вести, даже фотографии нет, не с чего рисовать.

От колонны отделилась девичья фигурка. Наташка узнала в девушке ту, чернявую. Она подошла к Олегу и поздоровалась.

Олег откашлялся:

– Наташа, это моя двоюродная сестра Настя. Приехала пожить на природе. Знакомьтесь.

– Мне очень приятно, Настя, – почти задыхаясь, сказала Наташка.

Ей стало до того хорошо, и девушка показалась хорошенькой, глазами на Олега похожей. Раньше она не замечала этого, конечно. Наташка прислонила к груди фанерку с портретом и побежала вперёд колонны. Подняв вверх фанерку, она оглянулась: со всех сторон глядели на неё молодые, чёрно-белые лица солдат. Был теперь с ними и солдат Андрей Никляев, и Наташка почувствовала его совсем рядом. У клуба Наташка увидела бабу Марусю. Она стояла, как никогда прямая, рядом с Наташкиным отцом. Он привёз её на машине, баба Маруся сама попросила. Среди солдатских портретов баба Маруся разглядела своего Андрея и чуть подалась вперёд, вытирая сухой рукой слёзы. Наташка помахала, проходя мимо, и враз захлестнула её общая людская волна, она бодрее запела «Катюшу».